

Эффективность атезолизумаба у пациентов с резистентностью к платиносодержащей химиотерапии. Результаты исследования AURORA-RU: Atezolizumab in UROthelial cancer: Real-world Analysis of RUssia

Е.А. Усынин¹, О.В. Леонов^{2,3}, Е.И. Копыльцов², С.А. Фурсов^{4,5}, Е.А. Бухонин⁵, Р.А. Зуков^{6,7}, Ю.В. Анжиганова⁶, Д.Д. Кадырова⁶, М.А. Зафинова⁸, И.Ю. Али⁸, В.Н. Захаров^{9,10}, А.В. Соболев⁹, Н.П. Модин^{9,10}, А.К. Гураль¹¹, З.А. Юрмазов¹, Л.В. Себякина¹², М.Ю. Мостовой¹³, О.С. Цирульникова¹³, А.М. Дегтярев¹⁴, М.А. Яворская¹⁴, Н.А. Ригер¹⁴, Г.А. Рафикова¹⁴, Е.С. Воробьева¹⁴, В.В. Кузнецова¹⁴, Е.М. Анохина¹⁵, А.Д. Мурских¹⁵, Д.М. Дубовиченко¹⁶, В.В. Курилкина¹⁷, М.А. Оганян¹⁷, В.С. Мягкова¹⁸, В.С. Бобров¹⁹

¹Научно-исследовательский институт онкологии – филиал ФГБНУ «Томский национальный исследовательский медицинский центр Российской академии наук»; Россия, 634009 Томск, пер. Кооперативный 5;

²БУЗ ОО «Клинический онкологический диспансер»; Россия, 644013 Омск, ул. Завертяева, 9, корп. 1;

³ДПО ФГБОУ ВО «Омский государственный медицинский университет» Минздрава России; Россия, 644099, Омск, ул. Ленина, 12;

⁴ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный медицинский университет» Минздрава России; Россия, 630091 Новосибирск, Красный пр-кт, 52;

⁵ГБУЗ НСО «Новосибирский областной онкологический диспансер»; Россия, 630108 Новосибирск, ул. Плеханова, 2;

⁶КГБУЗ «Красноярский краевой клинический онкологический диспансер им. А.И. Крыжановского»; Россия, 660133 Красноярск, ул. 1-я Смоленская, 16;

⁷ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России; Россия, 660022 Красноярск, ул. Партизана Железняка, 1;

⁸ГАУЗ СО «Свердловский областной онкологический диспансер»; Россия, 620036 Екатеринбург, ул. Соболева, 29;

⁹ГБУЗ «Кузбасский клинический онкологический диспансер им. М.С. Раппопорта»; Россия, 650036 Кемерово, ул. Волгоградская, 35;

¹⁰ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России; Россия, 650056 Кемерово, ул. Ворошилова, 22а;

¹¹ОГАУЗ «Томский областной онкологический диспансер»; Россия, 634009 Томск, пр-кт Ленина, 115;

¹²ГБУЗ «Онкологический диспансер № 3» Минздрава Краснодарского края; Россия, 353915 Новороссийск, ул. Лейтенанта Шмидта, 7;

¹³ГБУЗ «Клинический онкологический диспансер № 1» Минздрава Краснодарского края; Россия, 350040 Краснодар, ул. Димитрова, 146;

¹⁴ГБУЗ «Онкологический диспансер № 2» Минздрава Краснодарского края; Россия, 354057 Сочи, ул. Дагомысская, 38;

¹⁵СПб ГБУЗ «Клиническая больница Святителя Луки»; Россия, 194044 Санкт-Петербург, ул. Чугунная, 46;

¹⁶ГБУЗ АО «Архангельский клинический онкологический диспансер»; Россия, 163045 Архангельск, пр-кт Обводный канал, 145, корп. 1;

¹⁷ГБУ РО «Клинико-диагностический центр «Здоровье» в г. Ростове-на-Дону; Россия, 344011 Ростов-на-Дону, пер. Доломановский, 70/3;

¹⁸ГБУ РО «Онкодиспансер»; Россия, 344006 Ростов-на-Дону, пр-кт Соколова, 9;

¹⁹Московский научно-исследовательский онкологический институт им. П.А. Герцена – филиал ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр радиологии» Минздрава России; Россия, 125284 Москва, 2-й Боткинский пр-д, 3

Контакты: Евгений Анатольевич Усынин gusi70@list.ru

Введение. Десятилетний опыт использования ингибиторов контрольных точек в реальной клинической практике в России позволил провести лечение сотням больных с уротелиальными опухолями. Российское наблюдательное исследование IV фазы AURORA-RU инициировано для оценки эффективности атезолизумаба у больных уротелиальным раком с резистентностью к платиносодержащей химиотерапии. Статья основана на результатах анализа за 2019–2025 гг. и содержит данные по эффективности терапии у российских больных во 2-й и более линиях лекарственной терапии.

Цель исследования – дать оценку клинической эффективности монотерапии атезолизумабом у пациентов с уротелиальным раком верхних и нижних мочевыводящих путей с прогрессированием на фоне платиносодержащей химиотерапии в условиях реальной клинической практики. Первичными конечными точками являлись выживаемость без прогрессирования (ВБП) и общая выживаемость (ОВ). Вторичными конечными точками – подгрупповой анализ эффективности в зависимости от линии терапии, в том числе в подгруппе раннего прогрессирования после неoadьювантной или адьювантной химиотерапии, возрастной когорты, сайтов метастазирования, локализации первичной опухоли (мочевой пузырь, верхние мочевыводящие пути).

Материалы и методы. В исследование включены данные о лечении 152 пациентов (75 % мужчин, 25 % женщин) с верифицированным мышечно-инвазивным местно-распространенным и метастатическим уротелиальным раком, получавших монотерапию ингибитором PD-L1 (лиганд рецептора программируемой клеточной смерти лимфоцитов 1) (атезолизумаб) в 13 центрах России с 2019 по 2025 г. Лечение атезолизумабом проводили у больных с прогрессированием на фоне платиносодержащей химиотерапии. Более половины пациентов (55,9 %) были старше 65 лет. Преобладало число больных (78,3 %) с локализацией первичной опухоли в полости мочевого пузыря. В качестве 2-й линии терапии ингибитором PD-L1 проведена в 57,9 % случаев, и каждый 5-й пациент (21,7 %) получил лечение в 3-й линии. У 86,8 % пациентов лечение проведено без определения уровня экспрессии PD-L1.

Результаты. В общей группе наблюдений медиана ВБП достигла 5,5 мес, 36-месячная ВБП – 15,9 %, 48-месячная ВБП – 9,9 %. Медиана ОВ составила 12,0 мес, 3-летний период пережили 21,9 % больных, в течение 5 лет под наблюдением находились 14,3 % пациентов. При переходе на онкоиммунологическое лечение после быстрой прогрессии на фоне неoadьювантной или адьювантной химиотерапии медиана ОВ составила 17,4 мес. Медиана ОВ для 2-й линии по отношению к 3-й была в 2 раза выше: 13,9 мес против 6,1 мес. Отмечена высокая эффективность терапии у пациентов в возрастной группе старше 70 лет (медиана ВБП 8,7 мес, медиана ОВ 14,9 мес).

Заключение. В реальной практике достигнуты показатели ВБП, ОВ, сопоставимые с таковыми в регистрационном исследовании и исследованиях реальной клинической практики. Отсутствие определения уровня экспрессии PD-L1 в целом не влияло на эффективность онкоиммунологической терапии у пациентов с уротелиальным раком.

Ключевые слова: уротелиальный рак, атезолизумаб, выживаемость, исследование реальной клинической практики, исследование IV фазы

Для цитирования: Усынин Е.А., Леонов О.В., Копыльцов Е.И. и др. Эффективность атезолизумаба у пациентов с резистентностью к платиносодержащей химиотерапии. Результаты исследования AURORA-RU: Atezolizumab in UROthelial cancer: Real-world Analysis of RUssia. Онкоурология 2025;21(4):76–87.

DOI: <https://doi.org/10.17650/1726-9776-2025-21-4-76-87>

Efficacy of atezolizumab in patients resistant to platinum-based chemotherapy. Results of the AURORA-RU Study: Atezolizumab in UROthelial cancer: Real-world Analysis of RUssia

E.A. Usynin¹, O.V. Leonov^{2,3}, E.I. Kopyltsov², S.A. Fursov^{4,5}, E.A. Bukhonin⁵, R.A. Zukov^{6,7}, Yu.V. Anzhiganova⁶, D.D. Kadyrova⁶, M.A. Zafirova⁸, I.Yu. Ali⁸, V.N. Zakharov^{9,10}, A.V. Sobolev⁹, N.P. Modin^{9,10}, A.K. Gural¹¹, Z.A. Yurmazov¹, L.V. Sebyakina¹², M.Yu. Mostovoy¹³, O.S. Tsirulnikova¹³, A.M. Degtyarev¹⁴, M.A. Yavorskaya¹⁴, N.A. Riger¹⁴, G.A. Rafikova¹⁴, E.S. Vorobyeva¹⁴, V.V. Kuznetsova¹⁴, E.M. Anokhina¹⁵, A.D. Murskikh¹⁵, D.M. Dubovichenko¹⁶, V.V. Kurilkina¹⁷, M.A. Oganyan¹⁷, V.S. Myagkova¹⁸, V.S. Bobrov¹⁹

¹Cancer Research Institute – branch of the Tomsk National Research Medical Center of the Russian Academy of Sciences; 5 Kooperativny Pereulok, Tomsk 634009, Russia;

²Clinical Oncology Dispensary; Build. 1, 9 Zaveryaeva St., Omsk 644013, Russia;

³Omsk State Medical University, Ministry of Health of Russia, 12 Lenina St., Omsk 644099, Russia;

⁴Novosibirsk State Medical University, Ministry of Health of Russia, 52 Krasny Prospekt, Novosibirsk 630091, Russia;

⁵Novosibirsk Regional Clinical Oncology Dispensary; 2 Plakhotnogo St., Novosibirsk 630108, Russia;

⁶A.I. Kryzhanovskiy Krasnoyarsk Regional Clinical Oncology Dispensary; 16 1-ya Smolenskaya St., Krasnoyarsk 660133, Russia;

⁷Prof. V.F. Voino-Yasenskiy Krasnoyarsk State Medical University, Ministry of Health of Russia; 1 Partizana Zheleznyaka St., Krasnoyarsk 660022, Russia;

⁸Sverdlovsk Regional Oncology Dispensary; 29 Soboleva St., Yekaterinburg 620036, Russia;

⁹Kuzbass Clinical Oncology Dispensary named after M.S. Rappoport; 35 Volgogradskaya St., Kemerovo 650036, Russia;

¹⁰Kemerovo State Medical University, Ministry of Health of Russia; 22a Voroshilova St., Kemerovo 650056, Russia;

¹¹Tomsk Regional Oncology Dispensary; 115 Lenina Prospekt, Tomsk 634009, Russia;

¹²Oncology Dispensary No. 3, Ministry of Health of the Krasnodar Territory; 7 Leytenanta Shmidta St., Novorossiysk 353915, Russia;

¹³Clinical Oncology Dispensary No. 1, Ministry of Health of the Krasnodar Territory; 146 Dimitrova St., Krasnodar 350040, Russia;

¹⁴Oncology Dispensary No. 2, Ministry of Health of the Krasnodar Territory; 38 Dagomysskaya St., Sochi 354057, Russia;

¹⁵St. Luke Clinical Hospital; 46 Chugunnaya St., Saint Petersburg 194044, Russia;

¹⁶Arkhangelsk Clinical Oncology Dispensary; Build. 1, 145 Obvodny Kanal Prospekt, Arkhangelsk 163045, Russia;

¹⁷Clinical and Diagnostic Center “Zdorovye” in Rostov-on-Don; 70/3 Dolomanovsky Pereulok, Rostov-on-Don 344011, Russia;

¹⁸Rostov Regional Oncology Dispensary; 9 Sokolova Prospekt, Rostov-on-Don 344006, Russia;

¹⁹P.A. Herten Moscow Oncology Research Institute – branch of the National Medical Research Radiological Center, Ministry of Health of Russia; 3 2nd Botkinskiy Proezd, Moscow 125284, Russia

Contacts: Evgeniy Anatolyevich Usynin gusi70@list.ru

Background. The decade-long use of checkpoint inhibitors in real-world clinical practice in Russia allowed to treat hundreds of patients with urothelial malignancies. The AURORA-RU Phase IV observational Russian study was initiated to evaluate the efficacy of atezolizumab in patients with urothelial carcinoma resistant to platinum-based chemotherapy. This article is based on an analysis conducted at a median follow-up of 60.7 months and provides data on treatment efficacy in Russian patients receiving second-line and subsequent lines of systemic therapy.

Aim. To evaluate the clinical efficacy of atezolizumab monotherapy in patients with urothelial carcinoma of the upper and lower urinary tract progressing on platinum-based chemotherapy in a real-world clinical setting. The primary endpoints were progression-free survival (PFS) and overall survival (OS). Secondary endpoints included subgroup analyses of efficacy based on the line of therapy (including the subgroup with early progression after neo/adjuvant chemotherapy [NACT/ACT]), age cohort, metastatic sites, and primary tumor location (bladder vs. upper urinary tract).

Materials and methods. The study included data from 152 patients with verified muscle-invasive locally advanced and metastatic urothelial carcinoma who received PD-L1 inhibitor (atezolizumab) monotherapy across 13 centers in the Russian Federation between 2019 and 2025. Atezolizumab treatment was administered to patients who progressed on platinum-based chemotherapy. More than half of the patients (55.9 %) were over 65 years of age. The cohort consisted of 75.0 % men and 25.0 % women. The majority of patients (78.3 %) had a primary tumor located in the bladder. PD-L1 inhibitor therapy was administered as second-line treatment in 57.9 % of cases, while one in five patients (21.7 %) received third-line treatment. In 86.8 % of cases, treatment was administered without prior assessment of PD-L1 expression levels.

Results. In the overall cohort, the median PFS reached 5.5 months, with 36-month and 48-month PFS rates of 15.9 % and 9.9 %, respectively. The median OS was 12.0 months; 21.9 % of patients survived 3 years, and 14.3 % of patients remained under observation for five years. In patients transitioning to immuno-oncology treatment after rapid progression following NACT/ACT, the median OS was 17.4 months. The median OS for second-line therapy was two-fold higher than for third-line therapy: 13.9 months *versus* 6.1 months. High treatment efficacy was noted in patients over 70 years of age (median PFS of 8.7 months; median OS of 14.9 months).

Conclusion. In real-world practice, PFS and OS rates were comparable to those reported in registration trials and other real-world evidence studies. The lack of PD-L1 expression testing generally did not affect the efficacy of immuno-oncology therapy in patients with urothelial carcinoma.

Keywords: urothelial carcinoma, atezolizumab, survival, real-world evidence study, phase IV study

For citation: Usynin E.A., Leonov O.V., Kopyltsov E.I. et al. Efficacy of atezolizumab in patients resistant to platinum-based chemotherapy. Results of the AURORA-RU Study: Atezolizumab in UROthelial cancer: Real-world Analysis of RUssia. *Onkourologiya = Cancer Urology* 2025;21(4):76–87. (In Russ.).

DOI: <https://doi.org/10.17650/1726-9776-2025-21-4-76-87>

Введение

Терапия ингибиторами контрольных точек является стандартом лечения уротелиального рака [1, 2]. В основном она рекомендована как монотерапия у больных с противопоказаниями к назначению цисплатина и карбоплатина после прогрессирования на фоне платиносодержащих режимов, а также может быть использована в комбинации и режиме поддержки [1–12]. Данные рекомендации основаны на положительных результатах клинических исследований [4–10]. В клиническом исследовании II фазы IMvigor210 (NCT02108652) атезолизумаб продемонстрировал высокую эффективность в отношении выживаемости без прогрессирования (ВБП) и общей выживаемости (ОВ) у больных после прогрессирования на фоне платиносодержащей терапии [13]. В рандомизированном исследовании III фазы KEYNOTE-045 применение

пембролизумаба у пациентов после рецидива или прогрессирования на фоне платиносодержащей терапии позволило добиться высоких показателей частоты объективного ответа и ОВ по сравнению с альтернативными неплатиновыми режимами химиотерапии [7]. В клинических исследованиях терапия атезолизумабом ассоциирована с хорошей переносимостью у пациентов с наличием почечной недостаточности и у пациентов возрастной группы 75 лет и старше [5, 6, 13].

Российское наблюдательное исследование IV фазы инициировано для оценки эффективности монотерапии атезолизумабом у пациентов с местно-распространенным и метастатическим уротелиальным раком в условиях реальной практики. Настоящая статья основана на результатах анализа за 2019–2025 гг. и отражает данные по эффективности терапии атезолизумабом в российской популяции пациентов.

Цель исследования — оценка клинической эффективности монотерапии атезолизумабом у пациентов с уротелиальным раком верхних и нижних мочевыводящих путей с прогрессированием на фоне платино-содержащей химиотерапии в условиях реальной клинической практики.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 13 клинических центров России. Осуществляли сбор ретроспективных данных из первичной медицинской документации с 2019 по 2025 г., период сбора данных с 01.09.2025 по 15.12.2025. Препарат атезолизумаб использовали в рамках рутинной клинической практики. Препарат одобрен к медицинскому применению на территории России, регистрационное удостоверение ЛП-№(001980)-(РГ-RU) (концентрат для приготовления раствора для инфузий).

Критерии включения:

- возраст пациента 18 лет и старше;
- верифицированный уротелиальный рак;
- местно-распространенная или метастатическая форма;
- начало терапии атезолизумабом не позднее 31 декабря 2024 г.;
- терапия атезолизумабом назначена в связи с ранним (менее 12 мес) рецидивом либо прогрессированием после неoadъювантной или адъювантной химиотерапии либо непереносимой токсичностью предшествующей химиотерапии.

Критерии исключения:

- пациенты, получившие только 1 введение атезолизумаба с летальным исходом в течение 1 мес после начала терапии.

Основные первичные точки исследования — ВБП и ОВ в общей выборке. Вторичные конечные точки включали подгрупповой анализ эффективности в зависимости от линии терапии, в том числе в подгруппе раннего прогрессирования после неoadъювантной или адъювантной химиотерапии, возраста, сайтов метастазирования, локализации первичной опухоли (мочевой пузырь, верхние мочевыводящие пути).

Обследование пациентов осуществляли на основании локальных протоколов. Терапию атезолизумабом проводили в соответствии с инструкцией по применению препарата. Возможность использования дополнительных методов обследования (позитронно-эмиссионная томография) в рамках исследования не рассматривали.

В окончательный анализ включены 152 пациента (75 % мужчин, 25 % женщин). Более половины пациентов (55,9 %) составили лица старше 65 лет, медиана возраста — 66 лет (диапазон 39–93 года). У большей части пациентов первичная опухоль была локализована в полости мочевого пузыря ($n = 119$; 78,3 %), реже

встречались опухоли лоханки почки или мочеточника ($n = 32$; 21,1 %). У всех 152 больных диагноз верифицирован как уротелиальная карцинома. Самыми частыми локализациями метастазов были лимфатические узлы ($n = 61$; 40,1 %), легкие ($n = 45$; 29,6 %), кости скелета ($n = 43$; 28,3 %) и печень ($n = 28$; 18,4 %). Подтвержденные метастазы в головном мозге были зарегистрированы у 1 пациента.

Предшествующее лечение уротелиального рака включало системную противоопухолевую комбинированную химиотерапию. Больные, включенные в исследование, получали атезолизумаб при раннем рецидиве после неoadъювантной или адъювантной химиотерапии ($n = 31$; 20,4 %), во 2-й линии терапии неоперабельного уротелиального рака ($n = 88$; 57,9 %), в 3-й и последующих линиях ($n = 33$; 21,7 %). Режимы 1-й линии соответствовали схемам GemCis, GemCp и MVAC. Единично встречались больные, получившие комбинацию паклитаксела и карбоплатина в качестве предшествующей линии. Режимы 2-й линии химиотерапии включали монотерапию доцетакселом, винфлунином, паклитакселом и комбинацию паклитаксела с гемцитабином. Гиперэкспрессия PD-L1 (лиганд рецептора программируемой клеточной смерти лимфоцитов 1) была выявлена у 4,6 % ($n = 7$) пациентов, не выявлена у 8,6 % ($n = 13$) и не определялась у большинства (86,8 %; $n = 132$).

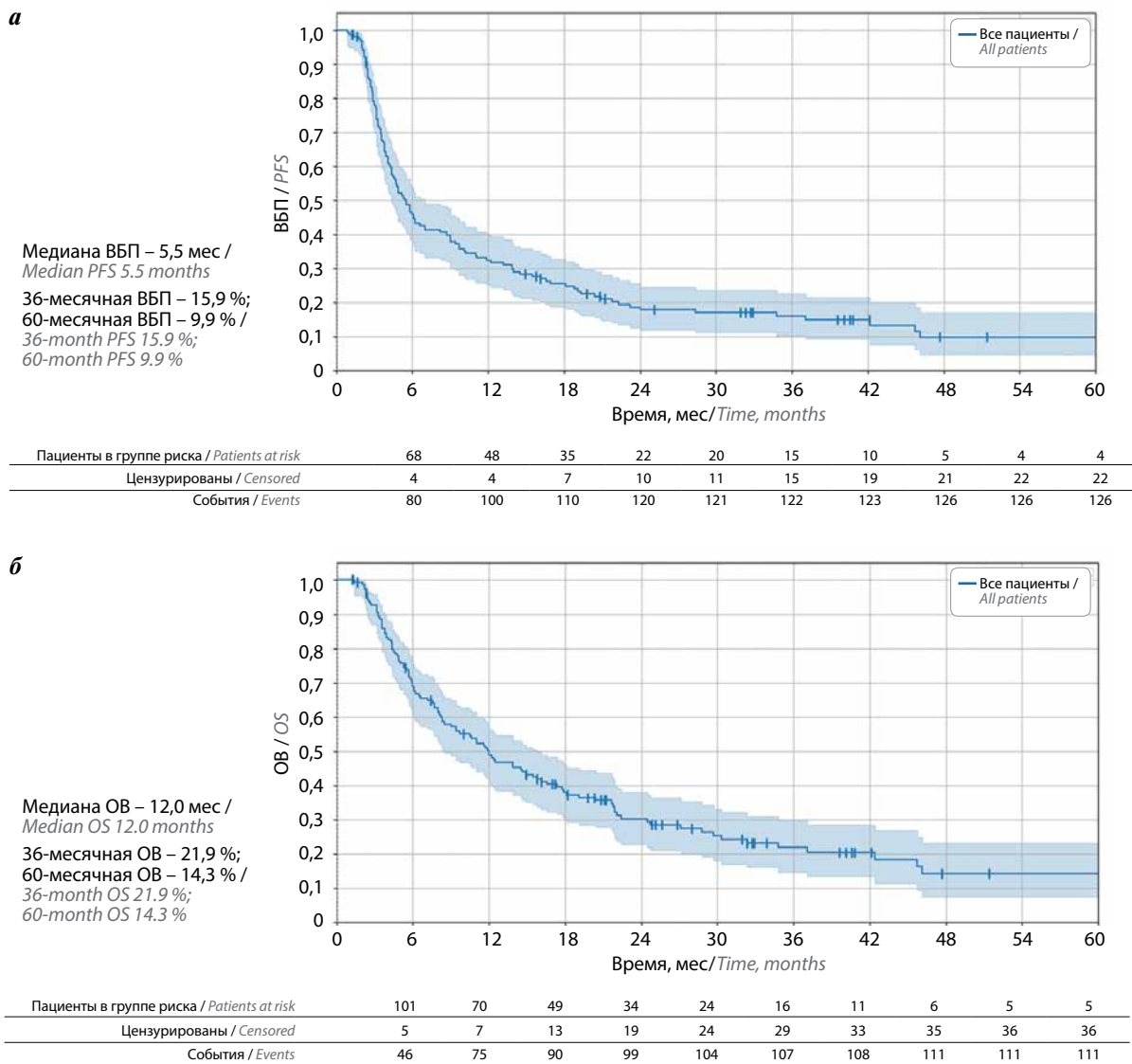
Атезолизумаб назначали в виде внутривенной инфузии в дозе 1200 мг/сут 1 раз в 3 нед или 840 мг/сут 1 раз в 2 нед. Терапию проводили до прогрессирования заболевания, отказа пациента, утраты клинической пользы или непереносимой токсичности [14].

Медицинские данные вносили в электронные таблицы Excel с применением разработанного для этого кодификатора. Статистический анализ данных выполняли с использованием языка программирования Python (версии 3.10). Ответ на терапию оценивали в соответствии с локальным протоколом. Продолжительность жизни рассчитывали от даты начала терапии атезолизумабом до летального исхода. Неблагоприятным исходом для ВБП считали прогрессирование или смерть. Пациенты, у которых не был зарегистрирован неблагоприятный исход, цензурировались на дату последнего наблюдения. Выживаемость оценивали по методу Каплана–Майера.

Результаты

Медиана времени наблюдения за всеми пациентами составила 33,9 (1,2–65,3) мес.

Данные по оценке глубины ответа были доступны только для 95 (65,5 %) пациентов, в остальных случаях оценка была затруднена или не репортировалась центрами. Среди пациентов, для которых доступны данные о максимальном ответе, полные регрессии на фо-

Рис. 1. Выживаемость больных уротелиальным раком при терапии атезолизумабом в исследовании AURORA-RU: а – выживаемость без прогрессирования (ВВП); б – общая выживаемость (ОВ)
Fig. 1. Survival of patients with urothelial carcinoma during atezolizumab therapy in the AURORA-RU trial: а – progression-free survival (PFS); б – overall survival (OS)

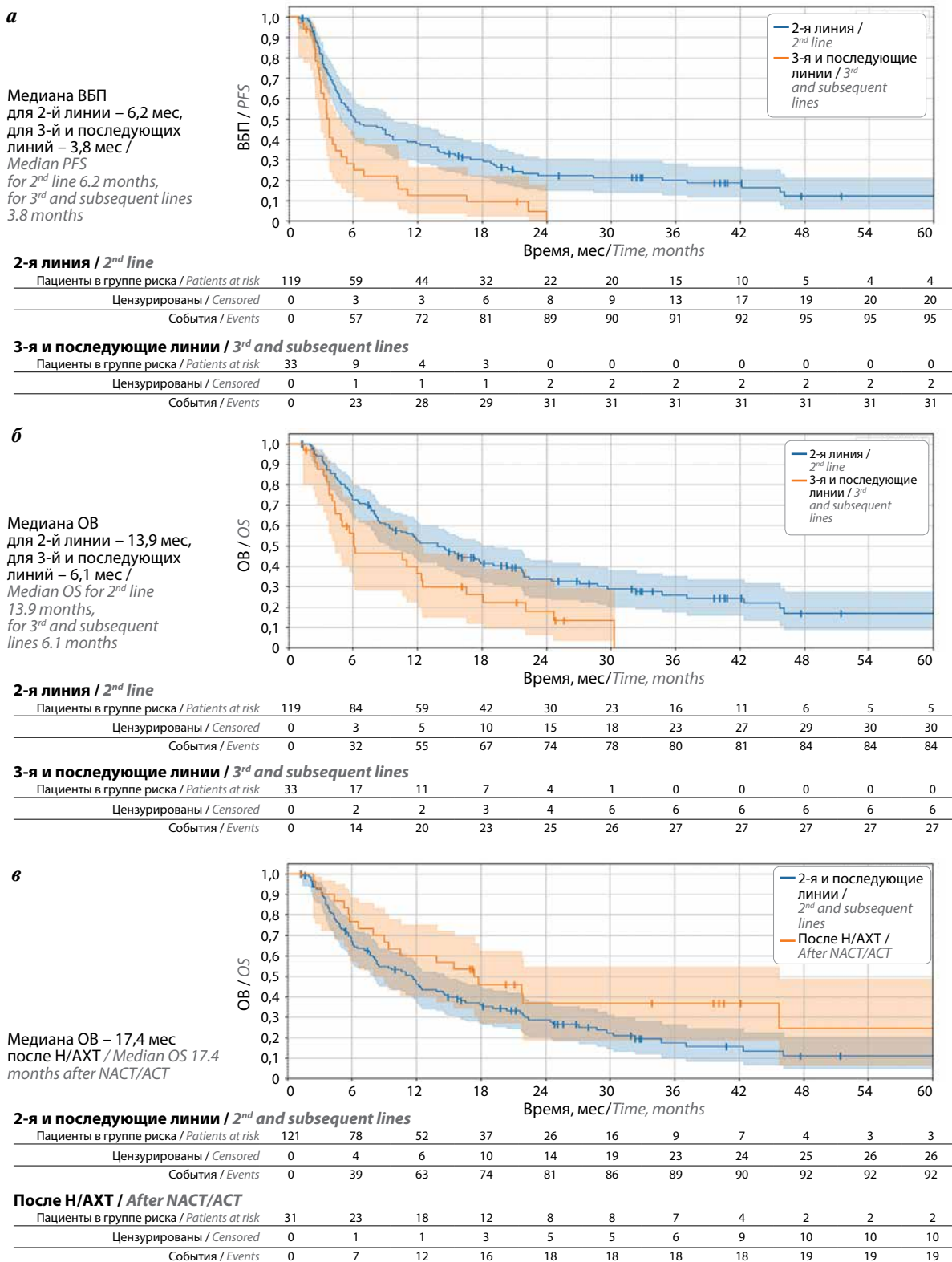
не иммунотерапии отмечены у 5 (5,3 %) пациентов, частичный ответ зарегистрирован у 6 (6,3 %), стабилизация – у 45 (47,4 %).

На момент завершения сбора данных 15,8 % ($n = 24$) больных были живы. Медиана ОВ во всей выборке составила 12,0 мес. На отметке 36 мес от начала лечения ОВ составила 21,9 %, через 60 мес – 14,3 %. Медиана ВВП зарегистрирована при сроке наблюдения 5,5 мес. Через 3 года наблюдения (36 мес) прогрессирование отсутствовало у 15,9 % больных; 5-летняя ВВП соответствовала 9,9 % (рис. 1).

Проведен подгрупповой анализ ОВ и ВВП при применении атезолизумаба при раннем прогрессировании (в течение 12 мес) после неoadъювантной или адъювант-

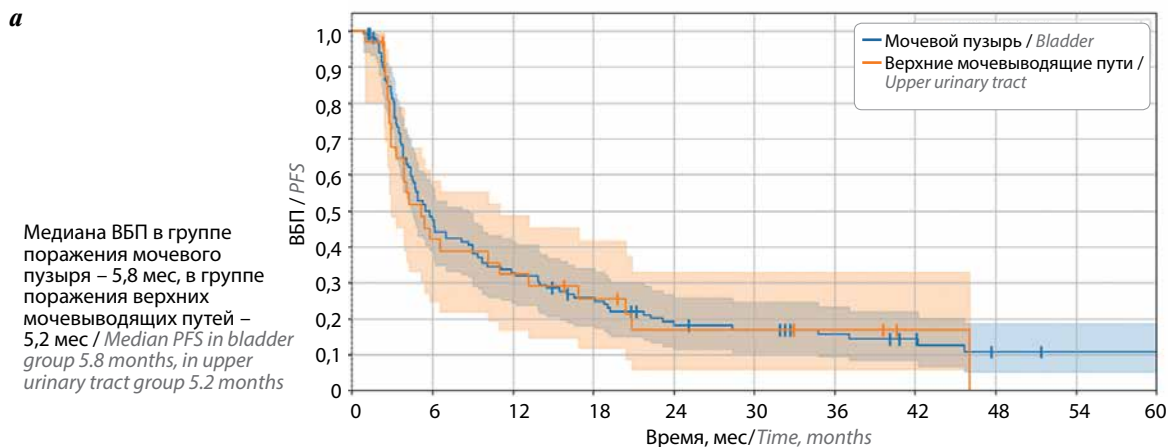
ной химиотерапии в зависимости от возраста, локализации метастатических очагов и локализации первичной опухоли (мочевой пузырь, верхние мочевыводящие пути).

Анализ эффективности в группе пациентов ($n = 31$) после прогрессирования на фоне неoadъювантной или адъювантной химиотерапии в течение 12 мес после ее завершения показал, что медиана ОВ для этих больных была более продолжительна и составила 17,4 мес по сравнению с медианой ОВ 12,0 мес в общей группе пациентов. Была изучена эффективность терапии атезолизумабом во 2-й линии ($n = 119$; группа включала пациентов с прогрессированием после неoadъювантной или адъювантной химиотерапии) по сравнению с 3-й и последующими ($n = 33$) линиями лечения (рис. 2).

Рис. 2. Эффективность атезолизумаба в зависимости от линии терапии: а – выживаемость без прогрессирования (ВБП) в группах пациентов, получавших атезолизумаб во 2-й линии, а также 3-й и последующих линиях; б – общая выживаемость (ОБ) в группах пациентов, получавших атезолизумаб во 2-й линии, а также 3-й и последующих линиях; в – ОБ в подгруппе пациентов с прогрессированием после неoadъювантной или адъювантной химиотерапии (Н/АХТ)

Fig. 2. Efficacy of atezolizumab depending on therapy line: а – progression-free survival (PFS) in patient groups receiving atezolizumab in the 2nd line, as well as 3rd and subsequent lines; б – overall survival (OS) in patient groups receiving atezolizumab in the 2nd line, as well as 3rd and subsequent lines; в – OS in patient subgroup with progression after neoadjuvant or adjuvant chemotherapy (NACT/ACT)

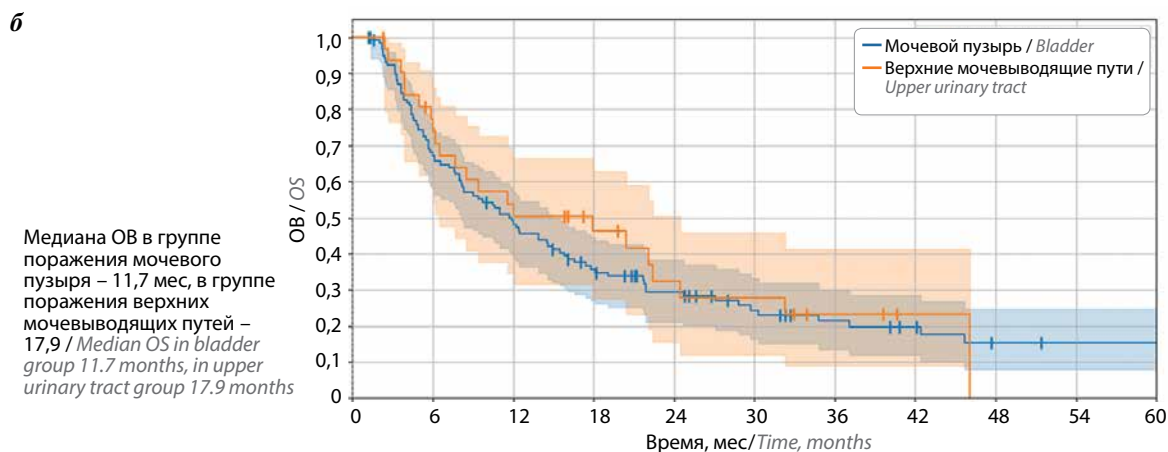

Мочевой пузырь / Bladder

Пациенты в группе риска / Patients at risk	119	55	38	28	18	16	12	9	5	4	4
Цензурированы / Censored	0	3	3	5	7	8	11	13	15	16	16
События / Events	0	61	78	86	94	95	96	97	99	99	99

Верхние мочевыводящие пути / Upper urinary tract

Пациенты в группе риска / Patients at risk	32	13	10	7	4	4	3	1	0	0	0
Цензурированы / Censored	0	1	1	2	3	3	4	6	6	6	6
События / Events	0	18	21	23	25	25	25	25	26	26	26

Мочевой пузырь / Bladder

Пациенты в группе риска / Patients at risk	119	78	55	38	27	18	13	10	6	5	5
Цензурированы / Censored	0	3	4	7	12	17	20	22	24	25	25
События / Events	0	38	60	74	80	84	86	87	89	89	89

Верхние мочевыводящие пути / Upper urinary tract

Пациенты в группе риска / Patients at risk	32	22	15	11	7	6	3	1	0	0	0
Цензурированы / Censored	0	2	2	5	6	6	8	10	10	10	10
События / Events	0	8	15	16	19	20	21	21	22	22	22

Рис. 3. Эффективность использования атезолизумаба после платиносодержащей химиотерапии у пациентов с поражением верхних и нижних мочевыводящих путей: а – выживаемость без прогрессирования (ВВП); б – общая выживаемость (ОВ)
Fig. 3. Efficacy of atezolizumab after platinum-based chemotherapy in patients with upper and lower urinary tract disease: а – progression-free survival (PFS); б – overall survival (OS)

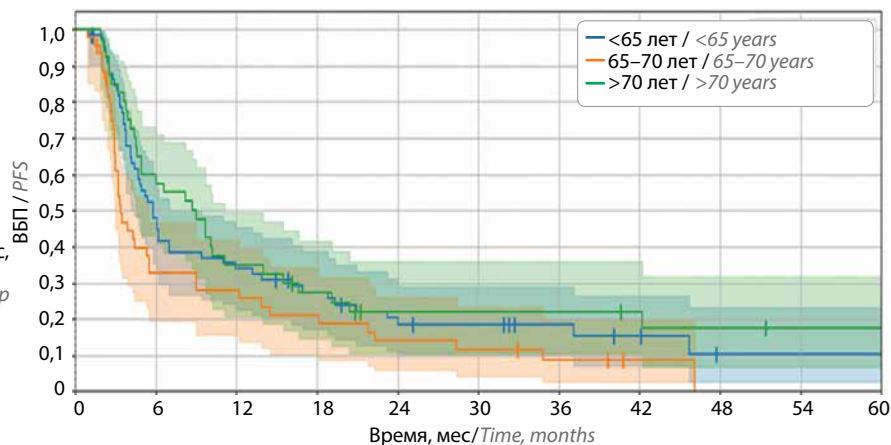
Так, для 2-й линии медиана ВВП зарегистрирована на отметке 6,2 мес, медиана ОВ – 13,9 мес. Для 3-й и последующих линий показатели были существенно ниже и составили соответственно 3,8 и 6,1 мес.

Представлял интерес анализ результатов лечения в зависимости от локализации опухоли в мочевом пу-

зыре или верхних мочевыводящих путях. В нашем наблюдательном исследовании пациентов с первичным поражением мочевого пузыря зарегистрировано 119 человек, 32 пациента составили группу с поражением верхних мочевыводящих путей, 1 пациент имел неопределяемый первичный очаг (T0). Сравнительный

а

Медиана ВБП
 в группе <65 лет – 5,8 мес,
 в группе 65–70 лет – 3,4 мес,
 в группе >70 лет – 8,7 мес /
 Median PFS in <65 years group
 5.8 months,
 in 65–70 years group
 3.4 months, in >70 years
 group 8.7 months

65 лет / <65 years

Пациенты в группе риска / Patients at risk	67	31	22	16	10	9	9	4	1	1	1
Цензурированы / Censored	0	2	2	4	5	6	6	10	12	12	12
События / Events	0	34	43	47	52	52	52	53	54	54	54

65–70 лет / 65–70 years

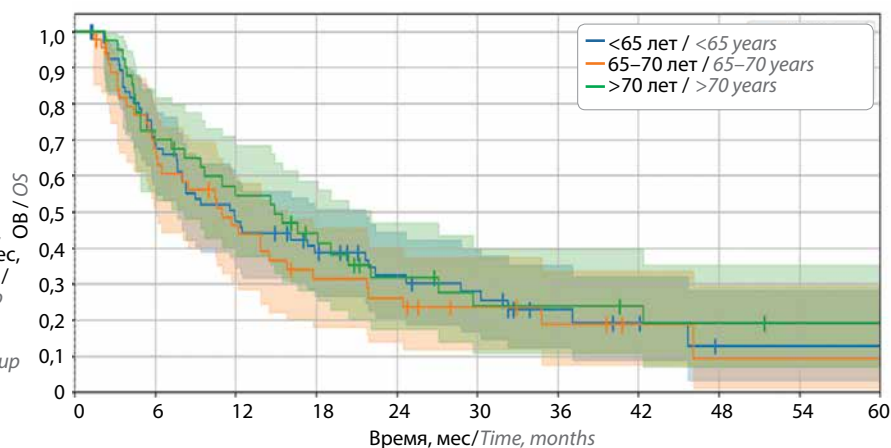
Пациенты в группе риска / Patients at risk	45	14	12	9	6	5	3	1	0	0	0
Цензурированы / Censored	0	2	2	2	2	2	3	5	5	5	5
События / Events	0	29	31	34	37	38	39	39	40	40	40

>70 лет / >70 years

Пациенты в группе риска / Patients at risk	40	23	14	10	6	6	6	5	4	3	3
Цензурированы / Censored	0	0	0	1	3	3	3	4	4	5	5
События / Events	0	17	26	29	31	31	31	31	32	32	32

б

Медиана ОВ
 в группе <65 лет – 11,9 мес,
 в группе 65–70 лет – 11,0 мес,
 в группе >70 лет – 14,9 мес /
 Median OS in <65 years group
 11.9 months,
 in 65–70 years group
 11.0 months, in >70 years group
 14.9 months

65 лет / <65 years

Пациенты в группе риска / Patients at risk	67	44	30	22	15	12	6	4	1	1	1
Цензурированы / Censored	0	3	3	6	10	11	15	16	18	18	18
События / Events	0	20	34	39	42	44	46	47	48	48	48

65–70 лет / 65–70 years

Пациенты в группе риска / Patients at risk	45	29	19	12	10	6	4	2	1	1	1
Цензурированы / Censored	0	2	3	4	4	7	8	10	10	10	10
События / Events	0	14	23	29	31	32	33	33	34	34	34

>70 лет / >70 years

Пациенты в группе риска / Patients at risk	40	28	21	15	9	6	6	5	4	3	3
Цензурированы / Censored	0	0	1	3	5	6	6	7	7	8	8
События / Events	0	12	18	22	26	28	28	28	29	29	29

Рис. 4. Эффективность использования атезолизумаба после платиносодержащей химиотерапии в зависимости от возраста пациентов: а – выживаемость без прогрессирования (ВБП); б – общая выживаемость (ОВ)
Fig. 4. Efficacy of atezolizumab after platinum-based chemotherapy depending on patient age: а – progression-free survival (PFS); б – overall survival (OS)

анализ эффективности применения атезолизумаба по показателю ВВП не выявил статистической разницы: для группы поражения мочевого пузыря медиана ВВП составила 5,8 мес, а для группы с поражением верхних мочевыводящих путей – 5,2 мес. Наиболее интересные данные получены при изучении медианы ОВ: для группы с поражением верхних мочевыводящих путей медиана ОВ составила 17,9 мес, с поражением мочевого пузыря – 11,7 мес (рис. 3).

Нами проведен сравнительный анализ эффективности лечения в зависимости от возраста пациентов. Все больные были разделены на подгруппы: до 65 лет ($n = 67$; 44,1 %), от 65 до 70 лет ($n = 45$; 29,6 %) и старше 70 лет ($n = 40$; 26,3 %). При анализе первичной документации не отмечено существенной разницы в длительности терапии и ее переносимости в зависимости от возраста. Наилучшие результаты по эффективности были отмечены в группе больных старше 70 лет. Для них медиана ОВ составила 14,9 мес, а медиана ВВП – 8,7 мес. Наиболее короткий период ВВП отмечен в группе пациентов 65–70 лет и составил 3,4 мес (рис. 4).

Как уже было приведено выше, самыми частыми локализациями метастазов были лимфатические узлы ($n = 61$; 40,1 %), далее – легкие ($n = 45$; 29,6 %), кости скелета ($n = 43$; 28,3 %) и печень ($n = 28$; 18,4 %). Проведенный сравнительный анализ не позволил выявить статистически значимую разницу в эффективности в зависимости от метастатических сайтов. По нашим данным, некоторое преимущество имеют больные с локализацией метастазов в легких и лимфатических узлах: медиана ВВП в этих группах составила 7,0 и 5,5 мес соответственно.

Среди репортируемых нежелательных явлений, приводивших к отмене терапии, зарегистрировано 4 (2,6 %) случая тиреоидита и 2 случая (1,3 %) анемии, в большей степени связанной с хронической гематурией, обусловленной опухолью мочевого пузыря. Количество репортируемых нежелательных явлений и серьезных нежелательных явлений было недостаточным для проведения детального анализа по изучению токсичности терапии.

Терапию атезолизумабом в течение 5 лет завершил 131 (85,7 %) больной по причинам прогрессирования, отказа пациента, утраты клинической пользы или непереносимости лечения. Данные о подтвержденном прогрессировании на фоне лечения атезолизумабом есть для 78 пациентов из всей выборки. При прогрессировании редко использовались локальные методы лечения: выполнялась спасительная дистанционная лучевая терапия ($n = 4$), хирургическая операция ($n = 1$). Части пациентов с сохраненным соматическим статусом терапия атезолизумабом была продолжена, несмотря на наличие радиологических признаков прогрессирования ($n = 8$). Большинство пациентов (60,8 %; $n = 48$)

получали следующую линию специфического противоопухолевого лечения после атезолизумаба.

Обсуждение

Терапия ингибитором PD-L1 атезолизумабом имеет доказанную эффективность при распространенном, метастатическом и нерезектабельном уротелиальном раке. В трехрукавном рандомизированном клиническом исследовании IMvigor130, включившем 1213 больных уротелиальным раком, убедительно доказаны преимущества монотерапии атезолизумабом по сравнению с химиотерапией: в группе гиперэкспрессоров лиганда PD-L1 ≥ 5 % для пациентов, не подходящих для лечения цисплатином, преимущества атезолизумаба перед химиотерапией по показателю медианы ОВ составили более 8 мес (медиана ОВ 18,6 мес в группе атезолизумаба и 10,0 мес в группе химиотерапии) [11]. Исследования IMvigor210 и 211 дали основания считать перспективным использование атезолизумаба у категории пациентов, не подходящих для терапии препаратами платины или имеющих прогрессирование на ее фоне [5, 6, 15]. Также эти исследования предоставили данные долгосрочного наблюдения, которые отмечают длительность эффектов. У пациентов, у которых получен ответ на терапию, эффект длится годами: медиана длительности ответа на лечение атезолизумабом в исследовании IMvigor210 во 2-й линии у пациентов с прогрессированием после платиносодержащей терапии составила 24,8 мес, а в 1-й линии у пациентов с гиперэкспрессией PD-L1 – 93,8 мес [6]. Вероятно, длительный ответ, демонстрируемый атезолизумабом, является следствием биохимической структуры его молекулы, которая отличается от других ингибиторов контрольных точек иммунитета. Атезолизумаб – это гуманизированное моноклональное антитело (IgG1), Fc-домен которого модифицирован для исключения антителозависимой клеточной цитотоксичности. Это позволяет сохранить работающие Т-лимфоциты в течение более длительного времени и максимизировать силу иммунного ответа [16].

В наблюдательных исследованиях и исследованиях реальной клинической практики (SAUL [17], IMreal [18], национальные исследования реальной клинической практики Турции и Испании [19, 20]) также убедительно доказано положительное влияние атезолизумаба на показатели ОВ и ВВП пациентов с резистентностью к платиносодержащей химиотерапии. Проведенное нами наблюдательное исследование AURORA-RU: Atezolizumab in UROthelial cancer: Real-world Analysis of RUssia позволило обобщить данные российских центров реальной клинической практики в отношении эффективности использования атезолизумаба у пациентов с резистентностью к платиносодержащей терапии. Нами получены самые обнадеживающие результаты по медиане ОВ на большой выборке пациентов: в исследовании AURORA-RU медиана ОВ составила 12,0 мес, а в анализ

вошли 152 пациента. В исследование реальной клинической практики Турции были включены 115 пациентов, медиана ОВ составила 9,8 мес [20]. Медиана ВБП 5,5 мес, полученная в исследовании AURORA-RU, сопоставима с данными реальной клинической практики Турции (3,8 мес) и исследования IMreal (4,4 мес) [18, 20]. Благодаря охвату большого временного горизонта (с 2019 по 2025 г.) в настоящем исследовании были показаны и долгосрочные результаты ОВ: контроль над заболеванием в течение 4 лет в российской популяции составил 14,3 %, что согласуется с данными исследования IMvigort210, где под наблюдением через 48 мес оставались 15,3 % пациентов [6].

Нами отмечена достаточно высокая эффективность монотерапии атезолизумабом у больных в возрасте старше 70 лет, что согласуется с данными исследования SAUL [17]. Несмотря на факт низкой частоты тестирования опухолевого материала по уровню экспрессии PD-L1, отсутствие его определения не оказывало отрицательного влияния на результаты лечения в данной группе пациентов.

Сильными сторонами данного исследования являются многоцентровой дизайн, включение пациен-

тов, отражающих реальную клиническую практику, большой объем выборки и длительность наблюдения. Слабые стороны исследования – ретроспективный дизайн, неполный объем клинических данных в первичной медицинской документации (низкая частота оценки ответа опухоли на лечение в реальной практике, оценка ответа согласно локальным протоколам, низкая частота репортирования нежелательных явлений), малый объем некоторых подгрупп при подгрупповом анализе.

Заключение

Таким образом, у больных с уротелиальными опухолями на фоне резистентности к платиносодержащей химиотерапии продемонстрирована возможность продолжения лечения с использованием ингибиторов контрольных точек во 2-й и последующих линиях лечения. Терапия атезолизумабом возможна у всех пациентов независимо от уровня экспрессии PD-L1, в том числе в возрастной группе старше 70 лет. Лечение атезолизумабом продолжает демонстрировать удовлетворительный профиль безопасности, а также предсказуемый и управляемый спектр токсичности.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. Рак мочевого пузыря. Клинические рекомендации Минздрава России, 2023. Доступно по: https://cr.minzdrav.gov.ru/view-cr/11_3 (дата обращения: 06.02.2026). Bladder cancer. Clinical guidelines of the Ministry of Health of Russia, 2023. Available at: https://cr.minzdrav.gov.ru/view-cr/11_3 (accessed on 06.02.2026). (In Russ.).
2. Уротелиальный рак верхних мочевыводящих путей. Клинические рекомендации Минздрава России, 2023. Доступно по: https://cr.minzdrav.gov.ru/view-cr/526_2 (дата обращения: 06.02.2026). Urothelial cancer of the upper urinary tract. Clinical guidelines of the Ministry of Health of Russia, 2023. Available at: https://cr.minzdrav.gov.ru/view-cr/526_2 (accessed on 06.02.2026). (In Russ.).
3. Усынин Е.А., Гураль А.К., Таширева Л.А. и др. Неoadъювантная комбинированная лекарственная терапия в лечении больных мышечно-инвазивным раком мочевого пузыря. Онкоурология 2025;21(3):124–9. DOI: 10.17650/1726-9776-2025-21-3-124-129 Usynin E.A., Gural A.K., Tashireva L.A. et al. Neoadjuvant combination drug therapy in treatment of patients with muscle-invasive bladder cancer. Onkourologiya = Cancer Urology 2025;21(3):124–9. (In Russ.). DOI: 10.17650/1726-9776-2025-21-3-124-129
4. Powles T., Park S.H., Voog E. et al. Avelumab maintenance therapy for advanced or metastatic urothelial carcinoma. N Engl J Med 2020;383(13):1218–30. DOI: 10.1056/NEJMoa2002788
5. Balar A.V., Galsky M.D., Rosenberg J.E. et al. Atezolizumab as first-line treatment in cisplatin-ineligible patients with locally advanced and metastatic urothelial carcinoma: a single-arm, multicentre, phase 2 trial. Lancet 2017;389(10064):67–76. DOI: 10.1016/S0140-6736(16)32455-2. Erratum in: Lancet 2017;390(10097):848. DOI: 10.1016/S0140-6736(17)32213-4
6. Rosenberg J.E., Galsky M.D., Powles T. et al. Atezolizumab monotherapy for metastatic urothelial carcinoma: final analysis from the phase II IMvigort210 trial. ESMO Open 2024;9(12):103972. DOI: 10.1016/j.esmoop.2024.103972
7. Bellmunt J., de Wit R., Vaughn D.J. et al. Pembrolizumab as second-line therapy for advanced urothelial carcinoma. N Engl J Med 2017;376(11):1015–26. DOI: 10.1056/NEJMoa1613683
8. Balar A.V., Castellano D., O'Donnell P.H. et al. First-line pembrolizumab in cisplatin-ineligible patients with locally advanced and unresectable or metastatic urothelial cancer (KEYNOTE-052): a multicentre, single-arm, phase 2 study. Lancet Oncol 2017;18(11):1483–92. DOI: 10.1016/S1470-2045(17)30616-2
9. Sharma P., Retz M., Siefker-Radtke A. et al. Nivolumab in metastatic urothelial carcinoma after platinum therapy (CheckMate 275): a multicentre, single-arm, phase 2 trial. Lancet Oncol 2017;18(3):312–22. DOI: 10.1016/S1470-2045(17)30065-7
10. Sharma P., Callahan M.K., Bono P. et al. Nivolumab monotherapy in recurrent metastatic urothelial carcinoma (CheckMate 032): a multicentre, open-label, two-stage, multi-arm, phase 1/2 trial. Lancet Oncol 2016;17(11):1590–8. DOI: 10.1016/S1470-2045(16)30496-X
11. Bamias A., Davis I.D., Galsky M.D. et al. Atezolizumab monotherapy versus chemotherapy in untreated locally advanced or metastatic urothelial carcinoma (IMvigort130): final overall survival analysis from a randomised, controlled, phase 3 study. Lancet Oncol 2024;25(1):46–61. DOI: 10.1016/S1470-2045(23)00539-9
12. Powles T., van der Heijden M.S., Castellano D. et al. Durvalumab alone and durvalumab plus tremelimumab versus chemotherapy

- in previously untreated patients with unresectable, locally advanced or metastatic urothelial carcinoma (DANUBE): a randomised, open-label, multicentre, phase 3 trial. *Lancet Oncol* 2020;21(12):1574–88. DOI: 10.1016/S1470-2045(20)30541-6. Erratum in: *Lancet Oncol* 2021;22(1):e5. DOI: 10.1016/S1470-2045(20)30734-8
13. Perez-Gracia J.L., Loriot Y., Rosenberg J.E. et al. Atezolizumab in platinum-treated locally advanced or metastatic urothelial carcinoma: outcomes by prior number of regimens. *Eur Urol* 2018;73(3):462–8. DOI: 10.1016/j.eururo.2017.11.023. Erratum in: *Eur Urol* 2019;75(3):e82–3. DOI: 10.1016/j.eururo.2018.11.032
14. Freites-Martinez A., Santana N., Arias-Santiago S., Viera A. Using the Common Terminology Criteria for Adverse Events (CTCAE – Version 5.0) to evaluate the severity of adverse events of anticancer therapies. *Actas Dermosifiliogr* 2021;112(1):90–2. DOI: 10.1016/j.ad.2019.05.00911
15. Van der Heijden M.S., Loriot Y., Durán I. et al. Atezolizumab versus chemotherapy in patients with platinum-treated locally advanced or metastatic urothelial carcinoma: a long-term overall survival and safety update from the phase 3 IMvigor211 clinical trial. *Eur Urol* 2021;80(1):7–11. DOI: 10.1016/j.eururo.2021.03.024
16. Inman B.A., Longo T.A., Ramalingam S., Harrison M.R. Atezolizumab: a PD-L1-blocking antibody for bladder cancer. *Clin Cancer Res* 2017;23(8):1886–90. DOI: 10.1158/1078-0432.CCR-16-1417
17. Sternberg C.N., Loriot Y., Choy E. et al. Final results from SAUL, a single-arm international study of atezolizumab in unselected patients with pretreated locally advanced/metastatic urinary tract carcinoma. *Eur Urol Focus* 2024;10(6):938–46. DOI: 10.1016/j.euf.2024.05.007
18. Girard N., Popat S., Shoshkova S. et al. Effectiveness and safety data from IMreal cohort 1: patients (pts) with urothelial cancer (UC) receiving atezolizumab after platinum-containing chemotherapy (plt chemo) under real-world conditions. *Immun Oncol Technol* 2022. DOI: 10.1016/j.iotech.2022.100179
19. Diaz Acedo R., Galvan Banqueri M., Artacho Criado S. et al. Real-world data of atezolizumab in patients with previously treated locally advanced or metastatic urothelial bladder cancer. *Int J Clin Pharm* 2024;46(2):382–9. DOI: 10.1007/s11096-023-01667-w
20. Tural D., Ölmez Ö.F., Sümbül A.T. et al. Atezolizumab in patients with metastatic urothelial carcinoma who have progressed after first-line chemotherapy: results of real-life experiences. *Eur Urol Focus* 2021;7(5):1061–6. DOI: 10.1016/j.euf.2020.09.010

Вклад авторов

Е.А. Усынин: разработка концепции и дизайна исследования, написание текста статьи, сбор и обработка материала, обзор литературы, анализ материала, редактирование, утверждение окончательного варианта статьи;
О.В. Леонов, Е.И. Копыльцов, С.А. Фурсов, Е.А. Бухонин, Р.А. Зуков, Ю.В. Анжиганова, Д.Д. Кадырова, М.А. Зафирова, И.Ю. Али, В.Н. Захаров, А.В. Соболев, Н.П. Модин, А.К. Гураль, З.А. Юрмазов, Л.В. Себякина, М.Ю. Мостовой, О.С. Цирульникова, А.М. Дегтярев, М.А. Яворская, Н.А. Ригер, Г.А. Рафикова, Е.С. Воробьева, В.В. Кузнецова, Е.М. Анохина, А.Д. Мурских, Д.М. Дубовиченко, В.В. Курилкина, М.А. Оганян, В.С. Мягкова: утверждение окончательного варианта статьи;
В.С. Бобров: сбор и обработка материала, анализ материала, статистическая обработка, утверждение окончательного варианта статьи.

Authors' contributions

E.A. Usynin: development of the concept and design of the study, article writing, collecting and processing material, reviewing the literature, analyzing the material, editing, approving the final version of the article;
O.V. Leonov, E.I. Kopyltsov, S.A. Fursov, E.A. Bukhonin, R.A. Zukov, Yu.V. Anzhiganova, D.D. Kadyrova, M.A. Zafirova, I.Yu. Ali, V.N. Zakharov, A.V. Sobolev, N.P. Modin, A.K. Gural, Z.A. Yurmazov, L.V. Sebyakina, M.Yu. Mostovoy, O.S. Tsurulnikova, A.M. Degtyarev, M.A. Yavorskaya, N.A. Riger, G.A. Rafikova, E.S. Vorobyeva, V.V. Kuznetsova, E.M. Anokhina, A.D. Murskikh, D.M. Dubovichenko, V.V. Kurilkina, M.A. Oganyan, V.S. Myagkova: approving the final version of the article;
V.S. Bobrov: collecting and processing material, analyzing the materia, statistical processing, approving the final version of the article.

ORCID авторов / ORCID of authors

Е.А. Усынин / E.A. Usynin: <https://orcid.org/0000-0001-7127-0188>
О.В. Леонов / O.V. Leonov: <https://orcid.org/0000-0001-6667-7135>
Е.И. Копыльцов / E.I. Kopyltsov: <https://orcid.org/0000-0003-3165-9118>
С.А. Фурсов / S.A. Fursov: <https://orcid.org/0009-0004-1637-256X>
Е.А. Бухонин / E.A. Bukhonin: <https://orcid.org/0009-0000-1050-4999>
Р.А. Зуков / R.A. Zukov: <https://orcid.org/0000-0002-7210-3020>
Ю.В. Анжиганова / Yu.V. Anzhiganova: <https://orcid.org/0000-0002-8388-466X>
Д.Д. Кадырова / D.D. Kadyrova: <https://orcid.org/0009-0001-3134-4979>
М.А. Зафирова / M.A. Zafirova: <https://orcid.org/0009-0007-7248-4242>
И.Ю. Али / I.Yu. Ali: <https://orcid.org/0009-0007-9232-238X>
В.Н. Захаров / V.N. Zakharov: <https://orcid.org/0009-0003-1731-1534>
А.В. Соболев / A.V. Sobolev: <https://orcid.org/0009-0002-8283-0763>
Н.П. Модин / N.P. Modin: <https://orcid.org/0009-0001-4253-1972>
А.К. Гураль / A.K. Gural: <https://orcid.org/0000-0002-0454-7930>
З.А. Юрмазов / Z.A. Yurmazov: <https://orcid.org/0000-0001-5629-8908>
Л.В. Себякина / L.V. Sebyakina: <https://orcid.org/0009-0009-3814-5241>
М.Ю. Мостовой / M.Yu. Mostovoy: <https://orcid.org/0009-0003-5197-5924>
О.С. Цирульникова / O.S. Tsurulnikova: <https://orcid.org/0009-0001-4292-0521>
А.М. Дегтярев / A.M. Degtyarev: <https://orcid.org/0009-0006-2271-9675>
М.А. Яворская / M.A. Yavorskaya: <https://orcid.org/0009-0001-4149-5252>
Н.А. Ригер / N.A. Riger: <https://orcid.org/0009-0005-2984-6856>
Г.А. Рафикова / G.A. Rafikova: <https://orcid.org/0000-0002-8763-6102>
Е.С. Воробьева / E.S. Vorobyeva: <https://orcid.org/0009-0008-9485-8601>
В.В. Кузнецова / V.V. Kuznetsova: <https://orcid.org/0009-0000-8257-0688>
Е.М. Анохина / E.M. Anokhina: <https://orcid.org/0000-0002-9787-2117>
А.Д. Мурских / A.D. Murskikh: <https://orcid.org/0009-0006-1825-6196>
Д.М. Дубовиченко / D.M. Dubovichenko: <https://orcid.org/0000-0002-1287-0279>

В.В. Курилкина / V.V. Kurilkina: <https://orcid.org/0009-0000-3394-7522>
М.А. Оганян / M.A. Oganyan: <https://orcid.org/0009-0007-1074-8409>
В.С. Мягкова / V.S. Myagkova: <https://orcid.org/0000-0002-8481-8795>
В.С. Бобров / V.S. Bobrov: <https://orcid.org/0009-0006-4697-622X>

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Финансирование. Исследование проведено без спонсорской поддержки.
Funding. The study was performed without external funding.

Статья поступила: 25.12.2025. **Принята к публикации:** 31.01.2026. **Опубликована онлайн:** 27.02.2026.
Article submitted: 25.12.2025. **Accepted for publication:** 31.01.2026. **Published online:** 27.02.2026.